

Каспер Грэй

Кролик и Пепел

Каспер Грэй

Кролик и Пепел

<https://litres.ru/74038798>

SelfPub; 2026

Аннотация

«У нас есть один неотъемлемый плюс: мы знаем, какую глупость совершили минуту назад, и я надеюсь, что когда-нибудь мы перестанем её совершать» - мудро сказано, живой пример этой цитаты - Эш Пайрли. В утилитарном, холодном мегаполисе будущего человеческая жизнь подчинена строгой статистике. Двадцать семь лет — возраст, когда собственное прошлое кажется чужим кино, но Эш помнит всё. Его работа на линии доверия — это ежедневная, изматывающая попытка заглушить внутренний шум и искупить жестокий грех своего детства.

Содержание

Дисклеймер	4
Ноябрь и Шум	5
Анатомия Чужой Боли	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кролик и Пепел

Дисклеймер

Внимание: книга содержит упоминания деструктивного поведения и предназначена исключительно для совершеннолетней аудитории. Автор не оправдывает и не пропагандирует данные действия.

Ноябрь и Шум

Вены дорог, дороги вен. Наверное, в геометрии любого разрастающегося города сквозит эта странная, пугающая анатомия. Улицы, разрезающие пространство между бетонными массивами, удивительно точно повторяют рисунок под кожей на человеческих запястьях. Город дышит тяжело, сквозь фильтры вентиляционных шахт, и этот гул сливается с шумом крови в ушах тех, кто пытается отыскать в темноте хоть каплю смысла. Время здесь не измеряется сухими щелчками электронных часов или графиками смен. Оно измеряется звуковыми волнами, намертво впаянными в подкорку, и короткими зазорами между куплетами. У каждого отрезка человеческого пути есть свое неотвратимое, глубоко личное музыкальное сопровождение. Память — штука избирательная, но к звукам она безжалостна. Стоит случайно включить правильный трек спустя долгие годы, как реальность вокруг истончается, и человек начинает физически, до легкой дрожи в суставах, ощущать запахи и текстуры ушедшего времени. Можно посреди сухого осеннего смога вдруг отчетливо учуять запах сырого, теплого летнего дождя, который шел в момент первого, самого неловкого и отчаянного поцелуя. Того самого дождя, чьи тяжелые капли оставляли темные круги на пыльном асфальте. И та песня — случайный мотив, пробивавшийся сквозь хриплые,

поролоновые амбушюры дешёвых проводных наушников, — становилась вечным консервантом момента. Тонкие черные провода постоянно путались в карманах старых курток, ломались у основания штекера, их приходилось перематывать изолентой, но именно они намертво привязывали человека к его живому, подлинному «тогда». Стоило мелодии зазвучать в голове, как пальцы сами вспоминали шероховатость пластикового провода, а легкие — вкус влажного воздуха, еще не отравленного выхлопами мегаполиса. Это была музыка не для всех, музыка, спрятанная внутри черепной коробки, защищенная от внешнего шума тонкими медными жилами в резиновой оплетке. Но человеческое детство соткано не только из романтики случайных дождей. У него есть и другая, более глухая, сумеречная сторона. У многих поколения этого бетонного улья главным воспоминанием остается фильм. Тот самый, случайный, бессмысленный, бесконечно крутящийся по кабельному каналу глубокой ночью, когда официальное вещание уже прекращалось. Для ребенка в темной комнате кино никогда не было искусством или развлечением. Оно выполняло функцию щита. Кинескопный телевизор — огромный, серый, гудящий ящик — издавал мертвенно-синие лучи прямо в лицо, выжигая сетчатку и заставляя глаза слезиться. Но этот свет был спасением. В те самые минуты, когда за тонкой стеной уставшие друг от друга, раздавленные бытом и социальными нормативами родители в очередной раз яростно ссорились на кухне, маленькая, еще

совершенно неокрепшая психика ребенка судорожно искала убежище. Сквозь щели в дверях прорывался звон дешевой посуды, приглушенные бытовые упреки, переходящие в свистящий, ядовитый шепот, и тяжелые вздохи людей, запертых в одной клетке. Это был страшный, разрушительный шум, способный деформировать сознание. И тогда ребенок делал звук на пластиковом пульте громче, почти до предела. Синие лучи заливали темную комнату, создавая хрупкую, иллюзорную стену между детской кроватью и родительским адом. На экране взрывались бутафорские автомобили, звучали чужие фальшивые голоса, но они были предсказуемы и безопасны. Они заменяли собой реальность, которая была слишком тяжела для детских плеч. Года проходят, синие экраны гаснут, провода наушников перетираются в пыль, но внутренние шумы никуда не исчезают. И когда музыка юности перестает спасать от тишины, повзрослевшие дети начинают искать другие способы заглушить то, что рвется наружу из темных углов их памяти. Наша память, миллиарды электронов, безостановочно курсирующих по тончайшим синаптическим связям в темноте черепной коробки, устроена удивительно и пугающе совершенно. Человеческий мозг — это самый надежный и жестокий архив из всех когда-либо созданных. Архивариус внутри нас никогда и ничего не забывает. Ни одна деталь, ни одна брошенная вскользь фраза, ни один оттенок чужого взгляда не исчезают бесследно; они лишь оседают на самое дно, покрываясь пылью текущей рутины.

Памяти не нужно время, чтобы стереть прошлое. Ей просто нужен активатор. Маленький, едва заметный рычажок, скрытый в лабиринтах подсознания. Достаточно легкого, почти невесомого стимула, чтобы этот механизм пришел в движение. Стоит лишь плеснуть на него едва уловимым запахом — например, смесью дешевого бензина и мокрой сирени, — или задеть его случайным звуком, далеким обрывком старого радиоэфира, кадром из забытого фильма, мелькнувшим на чужом экране. В ту же секунду сложная система воспоминаний запускается необратимым кубарем. Этот процесс невозможно остановить волевым усилием. Лавина срывается с пика, и сознание безвольно летит вниз, увлекая за собой застарелые травмы, давно похороненные надежды и лица людей, чьи имена стерлись из активного лексикона. Сеть нейронов вспыхивает электрическим штормом, вытаскивая наружу то, от чего человек бежал годами. Нас делает теми, кто мы есть, именно эта способность помнить всё против нашей собственной воли. В мире, где всё внешнее можно подвергнуть цензуре, отредактировать или отформатировать по приказу сверху, этот внутренний кубарь воспоминаний остается последней зоной абсолютной, неконтролируемой автономии. И одновременно — самым изысканным персональным адом. Быть может, эта теория и была неверна, но Эш думал именно так. Ноябрьское утро встретило его грязным, плотным полумраком и сыростью. Когда Эш вышел из подъезда под протяжное, монотонное пищание старого домофо-

на, его тут же обдало влажным, стремительным осенним ветром прямо в лицо. Воздух был колючим и холодным. На улице стояла та самая унылая пора, когда легкий иней уже успел подернуть жухлую коричневатую листву, прибавив ее к серому асфальту. Этот ветер не просто дул — он гудел между высотными домами, издавая едва уловимый, тонкий писк. То был звук чистой тревожности. Ненавязчивой, тихой, но постоянной, глубоко въевшейся в самую атмосферу этого бесконечного города, заставляя сильнее кутаться в воротник куртки и ускорять шаг. Пройдясь мимо пустующей детской площадки с металлическими, чуть облезшими от времени и сырости горками и качелями, парень дошёл до автобусной остановки. На этой площадке давно никто не играл; старое железо покрылось налётом ржавчины и инея, а качели замерли, скованные утренним ноябрьским холодом. Эш шёл привычным маршрутом, пряча руки в карманы и слушая, как под ногами шуршит подмёрзшая трава. Остановка была такой же серой и безликой, как и весь этот спальный сектор. Когда из утреннего тумана наконец показался силуэт старого, дребезжащего автобуса, парень поднялся по ступеням внутрь салона, где пахло нагретой резиной, сыростью и чужой усталостью. Достав из кармана куртки железные, потемневшие от времени и постоянного хождения из рук в руки монетки, он передал их за проезд. Монеты глухо звякнули в руке кондуктора. Эш прошёл чуть дальше по проходу и уселся на одно из свободных мест у окна. Ему повезло занять сиденье, пока салон ещё

не забился до отказа на следующих остановках. Прижавшись лбом к холодному стеклу, покрытому изнутри тонкой сеткой конденсата, Эш смотрел в окно уставшим, глубоко невыспавшимся взглядом. Его глаза, которые многие назвали бы «щеньячьими» из-за их формы и постоянного выражения какой-то тихой, беззащитной грусти, безучастно скользили по проплывающим мимо серым фасадам. Эш не спал уже много часов подряд, и эта хроническая усталость наложила свой отпечаток на всё его лицо. Несмотря на вымотанный вид, он имел довольно чёткие, правильные линии скул, которые резко выделялись при тусклом свете салонных ламп. На подбородке и щеках слегка пробивалась короткая тёмная щетина, которую он не успел сбрить перед выходом. Обрамляла лицо довольно типичная причёска для парня его возраста — кудрявые чёрные волосы, которые сейчас беспорядочно вились, растрёпанные влажным осенним ветром. Тёмные карие глаза казались почти чёрными в полумраке автобуса, отражая лишь тусклые огни редких уличных фонарей и неоновых вывесок. Автобус двигался медленно, то и дело останавливаясь и собирая людей с каждой последующей платформы. Спустя всего несколько кварталов салон уже был переполнен. Люди стояли в проходе плотной, безмолвной массой, качаясь в такт движению тяжёлой машины. В этой тесноте прямо над душой Эша оказалась пожилая женщина. На вид ей было лет семьдесят, может быть, даже под восемьдесят. Время глубоко изрезало её лицо морщинами, а старое пальто казалось

слишком тяжёлым для её хрупких, сторбленных плеч. Она тяжело дышала, держась за поручень натруженной, дрожащей рукой, и едва удерживала равновесие при каждом резком торможении автобуса. Заметив её, парень бодро встал, уступив место старушке. Сделал он это мягко и без колебаний, несмотря на то, что честно оплатил себе сидячее место своими последними потемневшими монетами и сам валился от ног от усталости после бессонной ночи. Для него это было естественным внутренним порывом, не требующим размышлений. Старушка, явно не ожидавшая такой вежливости в этот хмурый час в переполненном транспорте, подняла на него глаза. На её лице промелькнула слабая, благодарная улыбка. Она сказала лишь: «Спасибо, внучек», — и этот тихий, дребезжащий голос прозвучал удивительно тепло посреди общего глухого шума автобуса. Пожилая женщина аккуратно опустилась на сиденье, устраивая на коленях свою старую, потертую сумку. Она садилась на уже разогретое кресло, сохранившее тепло тела молодого паренька, и это маленькое физическое тепло, оставленное Эшем, казалось, ненадолго согрело её в это холодное, промерзлое ноябрьское утро. Эш же просто перехватил поручень выше, снова погружаясь в свои мысли под мерный гул мотора. Выйдя на нужной остановке, Эш проводил взглядом уезжающий автобус. Тяжёлая машина тронулась с места, обдав его на прощание глухим, гудящим рокотом мотора и плотной волной сизого выхлопа. Запах бензина и дешёвого топлива,

казалось, вообще никогда не выветривался из этих кварталов; он беззвучно нёсся по городу вместе с общественным транспортом, оседая на стёклах витрин, бетонных стенах и в лёгких прохожих. Эш поправил воротник куртки, собираясь побрести в сторону офисного блока, где располагалась его рабочая смена. Ему хотелось только одного — доползти до кофейного автомата и хотя бы на пару минут закрыть глаза. Как вдруг сзади послышались тяжёлые, уверенные шаги. К нему вплотную подошёл мужчина. На нём было добротное, плотное пальто тёмного цвета, отлично защищающее от ноябрьской сырости, а лицо выражало ту специфическую, въедливую правоту, которая часто бывает у людей, считающих своей обязанностью открывать окружающим глаза на «суровую правду жизни». Мужчина поравнялся с парнем и, даже не поздоровавшись, начал диалог, словно продолжал давно шедший в его собственной голове спор: — Парень, ты знаешь, что эта старуха каждый день места вытягивает у таких наивных, как ты? Эш молчал. Его уставший, невыспавшийся взгляд был устремлён куда-то под ноги, на покрытый изморосью серый асфальт. У него не было ни физических, ни ментальных сил ввязываться в утренние разговоры с незнакомцами. Но попутчик из автобуса не унимался, явно раззадоренный этим молчанием. Он сделал широкий, небрежный жест рукой в сторону проплывающего мимо квартала: — А вон тот продуктовый, видишь? Ну, который прямо возле аптеки, на углу. Она там каждый божий день появляет-

ся. Приходит и клянчит еду у покупателей на кассе. Сделает жалостливое лицо и давай прибедняться, мол, ей денег не хватает, пенсия маленькая, жить не на что. Обычный развод для жалостливых. Парень замер на секунду. Внутри него, сквозь глухую пелену недосыпа, пробилось тихое, колючее чувство протеста. Пройти мимо было бы проще, но абсурдность этих обвинений в адрес дряхлой женщины заставила его остановиться. Он повернул голову и решил ответить: — Какое вам дело до того? — голос Эша прозвучал тихо, но удивительно твёрдо посреди гудящего ветра. — Я захотел и помог, это был мой выбор. Видно же, что плохо ей на ногах стоять, её буквально качало на каждом повороте. И вообще, с чего вы взяли, что она каждый день в этом магазине что-либо клянчит? Вы за ней следите, что ли? Этот спокойный, трезвый отпор явно задел мужчину в пальто. Его снисходительный тон тут же испарился, уступая место раздражению. Лицо незнакомца исказилось, и он воскликнул уже с явной, нескрываемой агрессией, почти переходя на крик: — Если сил нет стоять — так пусть и сидит дома, на кой она каждое утро шарахается по улице?! Проходу от них нет! Эш смотрел на него своими тёмными, карими «щенячьими» глазами, в которых сейчас читалось лишь безграничное, экзистенциальное удивление. Мир вокруг них и так трещал по швам от жестокости и прагматизма, но этот человек умудрялся искать врагов в тех, кто едва мог дойти до остановки. А мужчина в пальто, распаляясь всё сильнее от собственного правед-

ного гнева, продолжал тираду. В его голосе зазвучали нотки презрения ко всему старому миру, который никак не хотел подчиняться логике нового времени: — Неужто вы хотите поспорить? Дескать — бюрократия дело такое, врачи, почта, пенсионные бланки? Да брось ты! Для таких давно уж придумали официальные сайты, цифровое обеспечение населения, единые порталы услуг! Всё же в один клик делается, из дома выходить не надо! А эти старухи — дуры набитые, если им легче уставшим шататься по холодным улицам и мёрзнуть на остановках, чем один раз сесть и освоить прогресс! Они сами выбирают этот ад, а ты перед ними расстилаешься! Эш слушал этот поток слов, и ему казалось, что он стоит перед глухой, непробиваемой стеной. Этот мужчина был продуктом своей эпохи — эпохи цифровой утилитарности, где человеческая слабость считалась системной ошибкой, а неумение пользоваться интерфейсом приравнивалось к глупости. Спорить с ним, объяснять, что у восьмидесятилетней женщины может не быть планшета, интернета или просто сил понять усложнённые коды авторизации, было бесполезно. Да и сам Эш был слишком устал, слишком опустошён после прошедших суток, чтобы тратить остатки энергии на бессмысленную уличную дискуссию. Он лишь тяжело, шумно вздохнул, утыкаясь носом в шарф, и тихо, примирительно сказал: — Ладно, простите. Давайте заканчивать дискуссию. Я лишь хотел сделать доброе дело. Мужчина в пальто победно ухмыльнулся, задрал подбородок. Ему показалось,

что молодой парень признал своё поражение под натиском его «железных» аргументов о прогрессе и цифровизации. Он презрительно сплюнул на землю и бросил на прощание, чеканя слова: — Так-то. Сопляк. Учишь вас, учишь, глаза вам открываешь, а вы все одинаковые Гуманисты хреновы. Он резко развернулся и зашагал прочь, растворяясь в толпе спешащих на заводы и в офисы людей. А Эш остался стоять на углу. Он постоял так ещё несколько секунд, слушая, как ветер свистит в проводах над головой, настойчиво напоминая о постоянной, фоновой тревоге этого города. Затем парень перехватил поудобнее лямку своей сумки и дальше пошёл по холодной улице, оставляя этот бессмысленный инцидент позади, навстречу своей длинной, изматывающей смене на линии доверия. Зайдя наконец в тёплое здание офиса, Эш замер на долю секунды в дверях. После пронизывающего ноябрьского ветра и уличного смога его буквально обдало густым, специфическим ароматом дешёвого суррогатного кофе «три в одном» и сухим, застоявшимся теплом недавно включённого центрального отопления. Радиаторы вдоль стен слабо подвывали от избыточного давления, наполняя коридоры запахом нагретого железа и подсохшей краски. Это тепло после уличной стужи казалось чужеродным, искусственным, но тело парня послушно обмякло, отпуская накопившееся в мышцах напряжение. Эш побрёл по длинному коридору, мимоходом бросив взгляд на кофейный автомат в углу вестибюля. Из его недр как раз доносился аппе-

титный шум струи, бьющей в картонный стаканчик — кто-то из коллег с параллельной смены обеспечивал себе утренний заряд бодрости. Парень на секунду полез в карман куртки, но пальцы нащупали лишь пустоту и мелкую пыль на самом дне. Денег на кофе не осталось. Те самые потемневшие железные монетки, которые он отдал в автобусе за своё сидячее место — место, которое в итоге заняла незнакомая старушка, — были его последней наличностью до вечернего расчёта. Сглотнув вязкую слюну, Эш повернул к пластиковому баку кулера. Он аккуратно вытянул из пластикового рукава прозрачный одноразовый стаканчик, нажал на синий лепесток крана и стал смотреть, как прозрачная, ледяная жидкость с тихим журчанием заполняет ёмкость. Пузырь воздуха с глухим, утробным звуком поднялся наверх внутри огромной синей бутылки. Держа стакан в руке, Эш дошёл до конца коридора и толкнул тяжёлую дверь своего кабинета. Это было его рабочее пространство — крошечная, изолированная ячейка, больше похожая на технологический гроб. Стены здесь были обиты специальными серыми шумопоглощающими панелями с пористой, шершавой текстурой. Они полностью глушили любые звуки снаружи, создавая внутри помещения звенящую, почти неестественную тишину — идеальный акустический вакуум, необходимый для того, чтобы ни один шорох из офиса не просочился в линию. Из оборудования здесь было только самое нужное: массивный, старомодный терминал со светящимся электронно-лучевым монитором, выда-

ющим строгие зелёные строки интерфейса, тяжёлая операторская гарнитура со спиральным шнуром и мягкими амбушюрами, а также механическая клавиатура с тугими, громко щелкающими клавишами для фиксации логов. Рядом на столе лежали блокнот, дешёвая шариковая ручка и кнопочный пульт переключения линий с матовыми светодиодами. Линия Доверия для подростков — это дело такое, тонкое. Здесь нельзя было фальшивить или действовать по строгому скрипту. Дети, звонившие сюда, находились на той опасной черте, где любая канцелярская фраза могла стать последней каплей. Они были умны, обожжены этим миром и мгновенно распознавали робость или ложь. Эш уселся в поскрипывающее рабочее кресло, надел на голову оголовье гарнитуры и пододвинул ближе микрофон. Сделав глубокий вдох, он в несколько глотков допил ледяную жидкость из пластиковой одноразовой ёмкости. Вода обожгла горло холодом, окончательно прогоняя остатки сонной одури. Он смял пустой стаканчик в кулаке, и этот резкий, сухой хруст пластика стал финальной точкой его личного утра. В ту же секунду на пульте перед ним тревожно, пронзительно замигал верхний светодиод. Раздался тихий, прерывистый электронный зуммер. Эшу поступил первый за эту смену звонок. Парень протянул руку, занёс палец над матовой клавишей приёма и нажал её, мысленно настраиваясь на чужую, неизвестную боль, которая сейчас ворвётся в его тихую серую капсулу.

Анатомия Чужой Боли

Шумопоглощающие панели кабины мгновенно впитали в себя хруст смятого стаканчика, оставив Эша один на один со светящимся зелёным экраном терминала. Зуммер смолк, уступив место едва слышному, ровному шипению пустой линии. На другом конце провода, за много километров отсюда, в каком-нибудь холодном, бетонном Секторе, кто-то дышал — часто, неровно, со свистом улавливая ртом разреженный утренний воздух. Эш поправил микрофон гарнитуры, мягко откинулся на спинку кресла и произнёс свою привычную, заученную до автоматизма фразу, постаравшись вложить в неё как можно больше ровного, заземляющего тепла:— Линия доверия. Меня зовут Эш. Я слушаю. В ответ раздался тихий, почти невесомый звук — так шуршит сухая листва под порывом ветра. А затем сквозь помехи пробился робкий, совсем ещё детский девичий голос:— Здравствуйте...— Привет, — отозвался Эш, сознательно снижая тон на пол-октавы, чтобы звучать мягче, без казённого давления. — Чем я могу тебе помочь? В трубке повисла короткая, недоверчивая пауза. Девочка словно проверяла, не подсунула ли ей автоматизированная система городского обеспечения очередного робота-автоответчика с набором записанных фраз.— А вы.. вы правда настоящий? — спросила она с какой-то щемящей, детской надеждой. — Вы существуете?— Конечно,

— Эш слегка улыбнулся, хотя она не могла этого видеть; но улыбка всегда меняет тембр голоса, делает его живым. — Я настоящий. Меня зовут Эш, я твой консультант, и готов тебя выслушать и помочь тебе. Не переживай, наш звонок абсолютно анонимный. Тебе даже необязательно представляться своим настоящим именем. Если хочешь, можешь назвать любое выдуманное, это не так важно. Здесь ты в безопасности. Девочка шмыгнула носом. Судя по звуку, она сидела, поджав колени к подбородку, где-то в углу пустой квартиры, пока её родители отработывали утреннюю смену на нижних ярусах.— Иви.. Иви Монтаг, мне 12... — выдохнула она, проигнорировав предложение скрыться за псевдонимом. Ей, видимо, слишком важно было оставаться собой хотя бы в этом разговоре. — Понимаете, у меня есть проблема... В школе один мальчик, мой одноклассник, он узнал кое-что. И рассказал всем-всем в классе, что мои родители не особо креативны. Что типа Иви — это имя из старого рассказа «V значит Вендетта», а фамилия — из «451° по Фаренгейту»... Эш слегка приподнял брови. В мире, где подавляющее большинство людей не читали ничего, кроме утилитарных цифровых инструкций и вырезок из законов, встретить двенадцатилетнюю девочку, столкнувшуюся с классической литературой — пусть даже в виде насмешек, — было редкой аномалией. Его эрудиция, та самая, за которую его ценили на этой работе, мгновенно выстроила нужные ассоциативные связи.— Знаешь, Иви, — спокойно ответил он,

подперев подбородок рукой, — я читал эти книжонки. Это были хорошие, сильные люди. А твои одноклассники — они лишь глупцы, не читавшие книг. Они цепляются к словам, которых сами не понимают. — Проблема в другом, — голос девочки снова дрогнул, в нём послышались подступающие слёзы обиды. — Тот парень, он, короче, раскопал в сети подробности. Рассказал всем, типа Иви Хаммонд в рассказе Алана Мура — это проститутка... А Гай Монтаг, ну, который из книжки Брэдбери и на которого похож мой папа — он вообще убийца, поджигатель... Ребята теперь дразнятся, пальцами тычут. Это так угнетает... понимаете... Эш почувствовал, как внутри него снова поднимается то самое глухое раздражение, которое он испытал на улице во время разговора с женщиной в пальто. Общество, ослеплённое своим «прогрессом», умудрялось извращать даже те крохи культуры, до которых дотягивалось. Из великих историй о бунте и поиске свободы подростки вытаскивали только грязь, чтобы побольше уязвить того, кто от них отличается. — И они и впрямь поверили в эту чепуху? — Эш хмыкнул, и в его голосе проскользнула честная, не наигранная ирония. — Если это так, то должно быть они полнейшие дураки. Не бери в голову их слова, Иви. Чтобы судить о персонажах, нужно иметь мозги, а у тех, кто тебя дразнит, их явно не хватает. В трубке послышался глубокий вздох. Девочка помолчала, переваривая его слова, а затем тихо, с затаённым дыханием спросила: — А вы как считаете, у меня красивое имя? Робкий девичий вопрос

повис в стерильной тишине кабины. Эш посмотрел на тусклые зелёные буквы на экране, затем перевёл взгляд на зажатый в кулаке обрубок пластикового стакана. Ему захотелось дать этой маленькой, зажатой в тиски школьной жестокости девочке хоть какую-то опору. Что-то, что выведет её из роли жертвы. — У тебя превосходное имя и фамилия, — твёрдо сказал он. — Серьёзно. Вот послушай: моё имя и фамилия вообще Эш Пайрли. (Если перевести это на английский, язык оригинала, то получится чистая игра слов. Ash — это Пепел, а Pyre — это погребальный костёр. Ash Pyrely [Эш Пайрли] - Пепел Погребального Костра). Представляешь, каково мне было? Все мои первые школьные годы сверстники ущемляли меня из-за этого, придумывали дурацкие клички, смеялись за спиной. Так продолжалось долго, пока я наконец не заявил о себе, пока не понял, что моя избыточность — это не слабость. Будь умнее их, Иви! Ты сильнее. Мудрее. Ты знаешь то, о чём они даже не догадываются. На том конце провода раздался короткий, удивлённый смешок. Тяжёлая атмосфера обиды начала понемногу рассеиваться, уступая место чистому детскому любопытству. — Хах... Откуда у вас такая интересная фамилия? — спросила она, явно заинтригованная. — О, это длинная история, — Эш улыбнулся, чувствуя, как утреннее оцепенение окончательно покидает его мысли. — Боюсь, ты утомишься её слушать, Иви. — Ну расскажите, пожалуйста, Мистер Пайрли! — в голосе девочки впервые за весь разговор зазвучали живые, ве-

сѣлые нотки. Обида на одноклассников была забыта, вытесненная открывшейся тайной взрослого человека.— Ладно, ладно, если ты так просишь, — согласился Эш, крутя в пальцах шариковую ручку. — Только давай на «ты», договор? Нам так будет проще.— Замѣтано! — уже совсем весело, по-детски звонко отчеканила девчонка.— Дело в том, — начал Эш, прикрыв глаза и погружаясь в те самые семейные предания, которые когда-то запускали в его голове «кубарь воспоминаний», — что мои очень далѣкие предки жили в глухой деревне. И моя пра-пра-пра... в общем, ещё сколько-то раз прабабушка была ведьмой по деревенским слухам. Хотя на самом деле она просто была слишком умной для своего времени. Она, например, считала, что Земля круглая, умела читать и лечила людей травами. И за это её... ну, в общем, на костре сожгли. Её не стало. А когда много позже в тех краях чиновники начали наводить порядок и раздавать всем фамилии, суеверные жители дали нашей семье такую вот характеристику. В честь того, что произошло с нашей бабушкой на площади. Так и взялась моя фамилия. Носим её до сих пор. В трубке воцарилась испуганная, благоговейная тишина. Иви, кажется, даже дышать перестала, представляя себе эту мрачную средневековую картину.— Оу.. простите.. — робко вымолвила она. — То есть... прости.— Ничего страшного, всё хорошо! — поспешил успокоить её Эш, тихо рассмеявшись. — Это было так давно, что сейчас мне самому от этого немного смешно. Так что, как видишь, у каждого

из нас своя история за спиной. Твои Монтаг и Иви — это символы борьбы за то, чтобы оставаться человеком. Гордись ими. — Спасибо вам... спасибо, что помогли, — Иви помолчала, словно решаясь на какой-то важный шаг. — А... вы... ты можешь дать мне свой личный номер? Чтобы я могла позвонить именно тебе, если снова станет плохо? Эш вздохнул. Правила ведомства строго-настрого запрещали любые личные контакты с абонентами. За это увольняли мгновенно, без права восстановления, стирая учётную запись оператора из базы данных. Система требовала безликости. — Не обязательно брать мой личный номер, Иви, — мягко, но профессионально уклонился он от прямого ответа. — У нас на линии все консультанты очень добрые. Каждый из них готов выслушать тебя и помочь в любое время суток, если ты просто наберёшь этот короткий номер. Мы всегда здесь. — Ладно, спасибо, я запомнила, — в её голосе скользнуло лёгкое разочарование, но оно тут же сменилось прежней теплотой. — Всего хорошего! — Береги себя, Иви! — ответил Эш. В ту же секунду на другом конце провода раздался короткий щелчок — трубку повесили. Эш медленно снял гарнитуру, опустив её на стол рядом с замолкшим терминалом. На экране зелёная строчка первого лога сменила статус на «Завершено». Парень тяжело вздохнул, но на этот раз в его вздохе не было прежней удушающей тяжести. На губах сама собой появилась короткая, усталая усмешка. Он потянулся всем телом, слушая, как хрустят затекшие позвонки, и негром-

ко произнёс в пустую, шумопоглощающую темноту кабинета:— Я даже взбодрился..Сонливость и холод ноябрьского утра куда-то отступили, уступив место странному, хрупкому ощущению того, что этот день начался не зря.Эш даже не успел толком насладиться той хрупкой, непривычной бодростью, которую оставил после себя разговор с Иви Монтаг. Не успел он покрутить в пальцах шариковую ручку, как матовый светодиод на пульте снова ожил. На этот раз он не просто мигал, а горел ровным, настойчивым янтарным светом, требуя немедленного включения в чужую реальность.Парень поправил оголовье гарнитуры, мысленно натягивая на себя привычную маску профессионального спокойствия, и нажал клавишу приёма. На линии висела тяжелая, плотная тишина, сквозь которую пробивался странный, свистящий гул — так шумит кондиционер в очень замкнутом, душном пространстве.— Линия доверия. Меня зовут Эш. Я слушаю, — произнес он, стараясь сохранить тот самый заземляющий, мягкий тон.Из динамиков донесся короткий, судорожный вздох. А затем прозвучал мальчишеский голос, в котором отчетливо угадывался жесткий, непривычный для этих широт акцент, ломающий гласные:— З-дравствуйте...— Привет, — отозвался Эш, слегка кивнув самому себе в темноту серой кабины. — Наш звонок полностью анонимный. Как тебя зовут? Ты можешь представиться настоящим именем или вымышленным, как тебе удобно, и рассказать о своих проблемах. Я здесь для того, чтобы выслушать.На том конце провода па-

рень явно колебался. Было слышно, как он переминается с ноги на ногу, а затем, словно бросаясь в ледяную воду, отчеканил:— Хаяо Миядзаки моё имя. Мне 13 лет. Эш внутренне замер. Его эрудированный ум, всего несколько минут назад сопоставивший имя Иви Монтаг с великими антиутопиями прошлого, снова зафиксировал странную, почти невозможную аномалию. Хаяо Миядзаки — великий мультипликатор ушедшей эпохи, создатель миров, полных летящего ветра, зелени и чистой, незамутненной надежды. В их нынешнем сером, прагматичном мире это имя звучало как забытое заклинание из древней сказки. Но парень не подал виду, понимая, что подростку сейчас нужна не лекция по истории культуры, а понимание.— Приятно познакомиться, Хаяо. Я Эш, — спокойно ответил он.— Мне дико одиноко... — без всяких предисловий выдохнул тринадцатилетний мальчик. В его голосе, несмотря на акцент, прорезалась такая глубокая, вымерзшая пустота, что у Эша по спине пробежал легкий холодок. — У меня совсем нету друзей. Вообще никого. А родители...— Ох... давай по порядку, дружище, — мягко перебил его Эш, пытаясь замедлить этот опасный, лихорадочный темп. — Расскажи, что происходит. Я никуда не тороплюсь. Мальчик снова сглотнул вязкую слюну, в трубке слышался шорох — он явно прижал телефон плотнее к уху. — Ладно. Мои родители... Мы приехали сюда из Северной Кореи. Точнее, мама приехала. Это случилось ценой жизни моего папы. Его расстреляли на границе. Он буквально от-

дал себя, чтобы моя мама могла сбежать из страны. Ради моего светлого будущего. Чтобы я жил здесь, в этом великом прогрессивном городе... А теперь... теперь мама заставляет меня учиться и учиться. Постоянно. Я буквально сплю на учебниках. Каждую ночь. Если я получаю балл чуть ниже максимума, она смотрит на меня так, будто я снова убиваю отца. Эш прикрыл глаза. Перед его мысленным взором встала эта страшная, удушливая картина: тесная квартирка где-то на окраине, запах чужой дешевой еды, учебники, свет настольной лампы и колоссальный, неподъемный груз вины, который любящая мать навесила на плечи тринадцатилетнего ребенка. Жертва отца стала для мальчика не благословением, а пожизненным приговором. — Оу... мне очень жаль, Хаяо... Прими мои соболезнования, — тихо, но искренне произнес Эш. Ему хотелось протянуть руку сквозь эти километры проводов и просто коснуться плеча этого парня. — Ладно, я привык к этому миру, — с пугающим, совершенно недетским цинизмом отозвался мальчик. — Но мне просто нужно выговориться. Мои друзья... Те, кого я считал друзьями. Они меня предали. Теперь они издеваются надо мной вместе с остальными одноклассниками. Из-за моей расы. Из-за разреза глаз. И за то, что моя мама делает из меня ботана, который не вылезает из-за стола. Они смеются над моими вещами, над тем, как я говорю... Эш почувствовал, как внутри него снова начинает закипать глухая, бессильная ярость. Мир оставался верен себе. Будь то Иви Монтаг с её книж-

ным именем или Хаяо Миядзаки с его азиатскими корнями — утилитарное, серое общество одинаково эффективно перемалывало любого, кто не вписывался в стандартный чертеж. — Это очень плохо, Хаяо, — с тяжелым вздохом ответил Эш. — Очень плохо, что ты в таком раннем возрасте уже привык к столь жестоким правилам этой жизни. Это неправильно. Ты же еще совсем ребенок... Ты имеешь право на ошибки, на отдых, на то, чтобы просто быть собой. — Я не прошу помощи, — резко, словно испугавшись собственной минутной слабости, оборвал его мальчик. Акцент стал еще сильнее, выдавая крайнюю степень волнения. — Просто... мне нужно было с кем-то поделиться. Иначе меня разорвет. Изнутри разорвет, понимаете? Я должен был это кому-то сказать. — Но, Хаяо, послушай меня... — Эш подался вперед, его пальцы крепче сжали пластиковый корпус пульта. Он хотел сказать ему, что учеба — это не тюрьма, что он найдет свой путь, что его имя обязывает его создавать, а не ломаться. — Простите, господин, — тихо, почти шепотом произнес мальчик. В ту же секунду в наушниках раздался короткий, мертвый зуммер. Трубка оборвалась. Эш остался сидеть в абсолютной, звенящей тишине своей шумопоглощающей кабины. На зеленом экране терминала строка лога окрасилась в нейтральный серый цвет. Звонок длился всего пару минут, но оставил после себя ощущение липкой, удушливой тревоги. Тот мальчик явно не желал разговаривать больше. Ему не нужны были утешения или советы взрослого. Види-

мо, ему просто стало за что-то стыдно — за свою откровенность, за то, что выдал семейную тайну, или за то, что проявил слабость перед чужаком. Подростковая психология — хрупкое стекло, и сейчас оно треснуло прямо у Эша на глазах. Пайрли опечалился. Настроение, поднятое звонком Иви, мгновенно испарилось, вернув его в состояние того самого ноябрьского утра, полного серости и сырости. Но он не стал унывать. В его профессии нельзя было позволять чужой боли утягивать себя на дно, иначе ты просто сгоришь за одну смену. Он сделал глубокий вдох, поправил микрофон и продолжил ждать новый звонок, вглядываясь в матовую панель пульта. Однако в его голове, обладавшей высоким уровнем критического анализа, уже начала зарождаться странная, пока еще смутная мысль. Иви Монтаг. Хаяо Миядзаки. Два звонка подряд. Два двенадцати-тринадцатилетних подростка из разных секторов, которые называют свои реальные или ненастоящие, но при этом слишком символические, культовые имена из прошлого. В мире, где имена давно стали безликими цифровыми кодами или простыми утилитарными кличками, это не выглядело как случайное совпадение. Это выглядело как система. Матовый светодиод на пульте переключения линий замигал в третий раз, разрывая звенящую тишину, в которой Эш только что переваривал лихорадочную исповедь корейского мальчика. Парень привычно потянул к себе спиральный шнур гарнитуры, мысленно настраиваясь на очередной виток подростковой драмы, и нажал матовую

клавишу приёма. Но едва он открыл рот, как из динамиков вместо ожидаемых слёз или робкого шёпота вырвалось нечто совершенно иное.— Здравствуйте! — уверенно, громко и даже с какой-то залихватской силой произнёс звонкий мальчишеский голос. Эш на секунду замешкался, сбитый с толку этим неожиданным напором жизненной энергии, но быстро вернулся в колею.— Привет. Это линия доверия, наши звонки абсолютно анонимны... — на автомате, строго по служебному скрипту начал чеканить Пайрли, но его тут же бесцеремонно и весело перебили на полуслове.— Да знаю я всё это! — парень на том конце провода коротко рассмеялся. — Я раньше много болтал с одним из ваших коллег. На самом деле, я позвонил сегодня не за помощью. Просто хотел сказать спасибо. Огромное спасибо Дэвиду Вайнвуду. Передайте ему, если сможете. Он буквально вытащил меня с самого дна, спасал с самых низов, когда я готов был сломаться. А сейчас у меня всё хорошо. Правда, всё просто отлично. Эш почувствовал, как напряжение в его плечах медленно спадает. В их ведомстве звонки с благодарностью были такой же редкой и ценной аномалией, как чистый воздух на нижних ярусах мегаполиса. Обычно люди уходили с линии, бросая трубки, и операторы никогда не узнавали, выжил ли человек на том конце или канул в небытие.— О... ясно... — Эш искренне, тепло улыбнулся в микрофон. — Я очень рад это слышать. Я обязательно передам своему коллеге Дэвиду, что с вами всё хорошо и его труды не пропали даром. Но только

напомните своё имя, чтобы он понял, о ком речь. В трубке на мгновение воцарилось весёлое шутовство, и парень выдал с явным удовольствием:— Элвис Пресли ВиВи! Скажите ему прямо так, он точно поймёт. Эш мысленно зафиксировал это. Опять. Третий раз подряд за утро всплывало культовое имя из ушедшей, погребённой под слоем цифрового мусора эпохи. Король рок-н-ролла. Но на этот раз Эш, чей мозг аналитика уже всюду раскручивал детективную нить, решил зайти чуть дальше обычного регламента. Он слегка понизил голос, делая тон более доверительным, личным:— Слушай... А может быть, ты скажешь ему своё настоящее имя напоследок? Ну, чтобы Дэвид вспомнил тебя не только по левому никнейму? Подросток на том конце замолчал. Было слышно, как он обдумывает это предложение, растеряв часть своей секундной спеси. Наконец, он тихо, почти со смущением произнёс:— Гектор. Гектор Руффорд.— Ох... чудесное имя, — искренне отозвался Эш, отмечая про себя, что настоящее имя парня звучало куда веселее и благороднее вычурного сценического псевдонима.— Как вы сказали? Эш? — Гектор на секунду запнулся, и его уверенный тон вдруг сменился какой-то странной, тягучей меланхолией. — Понимаете, мистер Эш... Дело в том... Что... Всё хорошо. Всё даже слишком хорошо. В линии повисла тяжёлая, затяжная пауза. Эш не перебивал, чувствуя, что за этой внезапной переменой настроения скрывается какая-то важная, глубинная честность.— Моя жизнь раньше была наполнена множеством проблем, —

тихо продолжил Гектор, и в его голосе послышалась тоска по ушедшим дням. — Там было столько экшена, понимае-те? Да, вокруг происходило много злого, опасного, но это было интересно. Это было постоянно, это заставляло чувствовать себя живым. А сейчас... стабильность. Серая, ровная стабильность. Должно быть, я просто старею... Эш тихо хмыкнул, чувствуя невероятный прилив понимания к этому тринадцатилетнему «старикуну», который уже успел устать от безопасного и унылого порядка системы. — Ох, мистер Руффорд, — подбадривающе и мягко сказал Эш, потирая уставшие веки. — Старение, друг мой дорогой — это когда ты покорно принимаешь эту скуку и гаснешь в ней. А ты молод, ты полон сил. Живи, радуйся этой тишине, пока есть возможность, копи силы. Всё будет хорошо! — Хах, ладно, постараюсь, — Гектор снова слабо улыбнулся в трубку, возвращаясь к своему привычному ритму. — Всё же передайте привет Дэвиду. Надеюсь, он будет действительно рад за меня. До свидания. — До свидания, Гектор. Береги себя, — ответил Эш. Короткий щелчок означивал конец диалога. Эш медленно снял наушники и опустил их на полированный стол терминала. Внутри, где-то в районе груди, впервые за это грязное, холодное ноябрьское утро разлилось непривычное, щемящее тепло. Чувство того, что они работают здесь, в этих тесных шумопоглощающих гробах, совершенно не зря, крепко взялось за сердце Пайрли. Они не просто закрывали галочки в отчётах системы — они действительно вытаскива-

ли живых людей из темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.